

От шарлатанства до гениальности

Марта Аргерих и Александр Рабинович-Бараковский дали два концерта в Москве

Первый концерт этой пары состоялся в Большом зале консерватории. Он был посвящен дню рождению Рихтера, в нем принимал участие оркестр имени Чайковского. Программа состояла из симфонической поэмы Рихарда Штрауса «Дон Жуан», двух фортепианных концертов (шумановского и ми-бемоль мажорного листовского) и «Красивой музыки № 3» Александра Рабиновича-Бараковского. Второй концерт прошел в Зале Чайковского и игрался на двух роялях. В программе были: соната Брамса фа минор, соната Моцарта ре мажор и две сюиты Рахманинова.

Екатерина БИРЮКОВА

Про Марту Аргерих все знают, что она знаменитая пианистка. Что она не подпускает к себе журналистов, любит отменять выступления и совершенно непредсказуема. Про Александра Рабиновича знают, главным образом, что он бывший муж Марты Аргерих. Лишь немногим известно, что он композитор-минималист, уехавший из СССР в 1974 году, пианист и с недавнего времени дирижер (в Москве он выступил во всех этих трех ипостасях). И еще — что он совершенно предсказуем.

Присутствие на одной сцене с такой мощной личностью, как Аргерих, наверное, непростое испытание для мужчины. Рабинович, уже много лет с ней музицирующий, выдерживает это испытание с некоторым даже сладострастием. Дерганые манеры, знаменитая машинка для обогрева рук, подчеркнутое презрение к залу и неминуемый срыв концерта во время исполнения собственной, никакой особенной ради-

кальностью не отличающейся музыки (в конце 80-х подобное уже было в Питере) — это еще цветочки. Именно они, впрочем, и оказываются самым большим лакомством для журналистов. В самом

деле, происходившее на концерте в консерватории (может быть, впервые за ее историю) было достойно думских телекамер, привыкших фиксировать эпатажные выходы Жириновского. Прово-

кационные аплодисменты с галерки и демонстративный уход дирижера-Рабиновича со сцены — это эффектный имиджевый скандал, который запомнится даже тем, кто никогда раньше не

слышал имени Аргерих, а тем более ее бывшего мужа.

Менее грубые, но не менее скандальные обстоятельства сопровождали выступление этой удивительной пары и дальше. В Зале Чайковского вроде бы все обошлось — разве что довольное хихиканье зала вызвал пресловутый обогреватель для рук. Но после первого же номера — это был Брамс — некоторые тихо поднялись и ушли. С концерта легенды! Честно говоря, мне тоже очень хотелось так сделать. То, что происходило на сцене, заставленной двумя роялями, лучше всего объяснить телевизионным термином «рассинхрон». Все смазано и ничто ни с чем не совпадает.

Впрочем, то же было и на симфоническом концерте, во время которого вольная фортепианная партия лишь изредка пересекалась со столь же вольной оркестровой. Но там Аргерих пользовалась преимуществом сольного инструмента, шла напролом, рубила, как мясник, по клавишам и заставляла всех поверить, что ровные окончания фраз и обсосанные детали никому уже не нужны. И вообще что она единственная из живущих пианистов (раньше еще был Рихтер) вправе играть этот замусоленный и растиражированный романтический репертуар.

И все же как хорошо, что после первого концерта был бис — безупречно прошлестевшая соната Скарлатти. И как здорово, что я не ушла из Зала Чайковского после Брамса и Моцарта. Потому что во втором отделении, в рахманиновских сюитах, вдруг все сошлось, срослось, ожило. Дуэт двух не слушающих друг друга людей превратился в очень интимный акт. И запрещенным словом «гениальность» захотелось назвать то, что только что казалось чуть ли не шарлатанством.

Самая непредсказуемая пианистка в мире — аргентинка Марта Аргерих

Известия — 2002 — 25 марта — с. 8

КОНСТАНТИН ПОСТНИКОВ